

Лехоцки Карой
Божьи коровки

Лехоцки Карой

Божьи коровки (Katicák)
Рассказ из сборника "Неведомый сад"
(Az ismeretlen kert, ISBN 978-963-12-1543-4)
Венгрия, 2015

Доступ к оригиналу в Венгерской Электронной Библиотеке
текст: <http://www.mek.oszk.hu/14200/14235/index.phtml>
аудиокнига: <http://mek.oszk.hu/14600/14639/>

Перевод автора с венгерского
В переводе принимали участие
Нина Лехоцки
Любовь Филиппова
Алла Внукова

© Lehoczki Károly, 2015
Все права защищены
(Minden jog fenntartva)

Художник: Дамо Иштван
Иллюстратор: Ретфалви Теофил

Данный формат составлен для Венгерской Электронной Библиотеки
На бумажном носителе не издавался
Подлежит распространению в электронном виде
Венгрия, г. Будапешт, 2015

На этот раз пусть присоединяются ко мне только те, у кого обостренный слух, и прижав свое ухо к горчично-желтому столу, слегка отдающему запахом клея, могут услышать потрескивание и легкий скрип конечностей засыхающих божьих коровок,двигающихся туда-сюда, жарко тут, потому и пробиваются через невидимые щели окна, спасаясь от мороза, прилетают и садятся на отдернутую наполовину, нейлоновую занавеску, на мебель, на безоглядно широкую для них поверхность стола, а потом обратно на стекло окна, быстро и шустро, как тот, кто верит, еще несколько кругов на блестящей от света, твердой плоскости и наружная свобода перемешается с внутренним уютом, превращаясь в лето, в лето? – что же такое лето? – то чудо, в котором свет, пар и тепло вместе расстилаются на широких поверхностях темно-зеленых листьев, но из их мизерного тела постепенно исчезает влага, ведь даже у человека пересыхает горло от центрального отопления, и на следующий день их движения затормаживаются, уже с трудом карабкаются вперед по разным краям, ни наружу, ни внутрь, только поиск и жажда, обычно с этого момента я начинаю слышать их голоса, конечно, только в том случае, если сильно напрягаю слух, в это время еще изредка и очень тихо доходит до уха их стон и щелканье суставов, знаю, что последует, вначале еще две толстые капли воды капаю из своего стакана на полностью затихшую, с поджатыми под себя ножками умирающую божью коровку, где-то на четвертый, пятый день, и наблюдаю за малюсенькой лужей, как она всасывается в коровку, отчего она, глубоко вздыхая, выпрямляет свои конечности, как по волшебному взмаху вздрагивает, наверное, странно для нее, что то, с потерей чего она уже смирилась, жизнь, возвращается к ней, и по внутренним кодам конвейер органов заработает опять, чтобы начать все заново, потихоньку, задумчиво отправляется к краю стола, по нему вперед, до самого конца, там разворачивается и ползет обратно, возможно стоило бы добавить чуть сахара в воду, в таком случае может у нее хватило бы сил перелететь даже на окно, но нет, теперь уже знаю, зря бы старался, смотрю, слушаю и лицо у меня не дрогнет, как Бог какой-то, без стремлений, без планов, заглядывая далеко вперед во времени, или как беспощадный властелин, наслаждаясь ее мукой, беспомощностью, чувством своего превосходства над ней, в

ожидании ее крика, крика, который заполнит все пространство, нет, нет, это, конечно, неправда, хотя и могло бы быть, но за своим стаканом больше не тянусь, мечтаю, считаю их пятна, кстати, вовсе не семь пятен у каждой! – и даже цвет разный, у некоторых красненький, а у других скорее желтоватый, звуки, образы возникают во мне и не только о божьих коровках или других насекомых, например о солдатиках красно-черного цвета, обожаю их весной и осенью, предвестников изменений, или о мухах, пойманных на лету, брошенных в таз с водой, между прочим совсем неплохо плавают, пока не промокнут, вылезают, приходится их толкать обратно, а то бы поднялись по крутому склону эмалированного таза и вся охота стала бы бессмысленной, нет, не только такого типа воспоминания, но и вареная картошка, например, варится на печке, ведь плиту затопить не хватает дров, а в их единственной комнате печка все равно горит, варится обед, могли бы быть счастливы, наслаждаясь его ароматом, выскоблив дырочку среди толстых ледяных узоров на малюсеньком окне, выглядывая через нее, вместо этого вспыхивает гнев, желудок вздрагивает, старый ловелас, к чему мне твой висячий? – а на тебя, змея, позарится ли еще кто-нибудь? – и вареная картошка медленно сползает по темно бордовой полированной дверце шкафа, оставляя рубцы за собой, никогда не исчезающие следы в краске, да и не только в ней, становящиеся все глубже и глубже, на третий день уже очень больно им, тогда шумят громче всего в предчувствии близкого конца, но еще хватает сил охать, чья-то помощь со стороны могла бы их спасти, в их организме еще ничего не вышло из строя навсегда, примирение и капитуляция следуют только после безвозвратного ущерба, в такое время только лишь больно, очень болит каждый шаг, который несмотря ни на что, каким бы он ни был мучительным, должны сделать в надежде, что именно этот шаг приведет к облегчению, свободе, миру и к былым наслаждениям, поэтому тащатся вперед в поисках щели по гладкой поверхности оконного стекла, которое своей прозрачностью банально обманывает их древние рефлексy, и жалуются друг другу, что щели нигде нет, ты что-то нашла? – спрашивает, будто та ползла бы навстречу, если бы обнаружила выход, а ты? – тоже ничего? – и вздыхают, некоторые даже рыдают, молятся какой-то высшей силе, вряд ли мне, не думаю, что осознают мое существование, а если все-таки да, так уж точно не представляют моих возможностей, ручка окна, бросок и все дела, и никак не находят дорогу обратно, по которой, заблудившись, оказались тут, или же стремясь к вытекающему теплу, не взвесив последствий, сами выбрали в надежде, что внутри их ожидает прямо рай, а если бы нашли, в страхе разочарования, куда бы сбежали? – снаружи снегопад, и в тусклом

свете низко стоящего солнца на лужах среди булыжников натягивается пленочка льда, но это только я вижу, выглядывая через окно с двойным стеклом, ага, никаких узоров на нем нет, изморозь бывает только на одинарном стекле неимущих, если бы были, возможно они поняли бы и не пикнув, смирились бы со своей судьбой, а так вопят, в ушах у меня трещит, тем более, если слишком их много трехдневных, должен заткнуть, точно так рыдают, как он рыдал, оперевшись на белую скамейку, горьким плачем непонятого, скамейка? – скорее ящик был с открывающейся крышкой, со спинкой и ручкой, туда они складывали грязное белье для стирки и, обычно, туда прятали свои подарки, пока не наступало время их вручать, и он туда же на самое дно спрятал ту книгу, название которой мать не так поняла, посчитала намеком и дала пощечину, сбоку лег на ручку, трясло его и всхлипывал как мальчишки обычно, иногда мне хочется скулить вместе с ними, не только потому, что человек социальное существо и ему свойственно петь в хоре, а и потому, что задумчиво наблюдая за ними, в принципе я бы мог воспринимать их как моих соратников, или они меня, ведь эта комната настолько узка, да что комната? – это крошечное помещение не превышает размеров лифта или туалета, от входа до моего стула два с половиной шага, сяду и больше не хочется поднимать взгляд, иначе стены навалились бы на меня, возможно, поэтому мне так легко породниться с жуками, со столом и окном, – окно, надо сказать, особенное, отличается от всего остального, не подходит к этой несчастной дыре, кроме того, по сравнению с внутренним миром, вид через него непропорционально широкий, взгляд достает через желтую каменистую дорогу даже другую сторону улицы, часть противоположного дома, малюсенький кусочек зелени деревьев, несколько припаркованных машин и метров десять тротуара, где люди ходят, – это угол, куда по утрам прихожу, чтобы вечером возвращаться домой, ни каждый раз по тому же маршруту, так было бы слишком однообразно, угнетающе, к тому же иногда приходится спешить, когда после звонка будильника от усталости опять засыпаю, в таких случаях выбираю самую короткую дорогу, чтобы не опоздать, самая короткая шагов на сто пятьдесят короче следующей самой короткой, а по самой длинной исключительно домой бреду, бывает, заскочу в универсам, разглядываю, встречаю знакомых, коротко переговариваем, и так я мог бы влиться в хор жалоб коровок, тут музыкальный слух ни при чем, увы, своим музыкальным слухом похвастаться не могу, но их стон вовсе не музыка, никто не аккомпанирует, сам по себе бьет ключом, я бы не испортил, не сфальшивил, как и с кобзарем не был фальшив, он своим хриплым голосом отчаянно орал, и я с ним неделями, когда его первую пластинку в подарок

получил, скрип диска стал частью композиции, и волшебные слова песни внедрились в мои нервы, и я, весь покрасневший, подражал его гортанному голосу, в моих воспоминаниях тот молодой парень точно так же вопит на мотоцикле, вдвоем несутся по дамбе возле реки, колеса поднимают страшную пыль, друг его ведет умело, ну конечно, деревенский, привык по ухабам рулить, и он перенимает тон, справа течет река с достоинством, знает свое дело, несется мощным потоком, а любимая остается позади, все дальше и дальше, только любовь развевается за ними пока мчатся, в пойменном лесу останавливаются на ночь, он спускается к берегу, над течением чернеет сталь моста, посидит рядом в звездной ночи, тихо мурлыча все ту же песню, позже из двух военных шинелей поставят палатку, и при свете свечи, точно так же, как божьи коровки разминают свои затекшие конечности, переваливаются с одного бока на другой, поднимают хитиновые надкрылья, расправляя под ними сосудистые перепончатые крылья, а потом, подтягивая под себя ноги, приседают отдохнуть, наконец и он залезает в палатку, чтобы со своими свежими, ноющими ранами погрузиться в глубокий, утешающий сон, а на следующее утро, как коровки после часовой мнимой смерти, очнуться и задумчиво, медленно направиться к непредсказуемому, но вдали кажущемуся блестящему будущему, как рабочий едет на своем велосипеде на заре на стройку на окраину стены класть, а жена на электричке тащится в гипермаркет выкладывать хлеб, молоко на полки, наполовину спит еще, зевает, потягивается, будто все еще под одеялом, возле своего теплого спутника жизни, и та, которая покинула свою страну, точно так же бережет память домашнего тепла на чужбине, нет конца тоске среди тумана и влаги, среди выпирающих в небо белых скал на побережье Средиземного моря, местный язык коверкает, своего диплома даже не думала брать с собой, посуду моет, убирает, ухаживает за беспомощными стариками, торгуют ею на рынке рабов, однако, вроде бы неплохо зарабатывает, кажется, продвигается, переводит деньги домой, на себя не тратит, и не откладывает, лишь бы детям хватало на одежду, на плату за обучение, и только подозревает, что по субботам и на колеса идут эти деньги, что ею с трудом сколоченную сумму пускают на ветер, на плату за обучение? – еще бы! – а то, что на лапу приходится давать? – как старая представляет, институт это учеба и все? – конечно тариф в любом случае придется выкладывать, а сверху? – ведь какой дурак убивает молодость в лекционном зале? – если мамаша мечтает о дипломе для сына, чтобы не каким-нибудь трудягой, маляром или поваром пахал, как это с корешем здорово задумали, так пусть молчит, а дочке импортного белья захотелось, трусиков, бюстгалтеров, желательно белого, черного и

лилового цвета, полупрозрачного с кружевами, теперь надо показать миру свои прелести, пока они есть, когда ведьмой станет, как мамаша, вот и она оденет толстые колготки, может и на работу пойдет, точно провалилась бы от стыда во второй половине вечеринки, когда начинается игра на раздевание, парни разыгрывают девчонок в карты, а потом с возбуждением громко ржут, стаскивая с них остатки одежды, нюхают, перебрасывают друг другу и там все увидели бы, что она в дешевке ходит, какой позор! — из-за каких-то жалких тряпок упустить подвернувшийся блестящий вариант, что ли? — и так довольно часто звонит телефон там на чужбине, держит его при себе, чтобы сразу могла отреагировать, рука дрожит когда берет, ее материнское сердце и верит и в то же время сомневается, правда ли, что опять газовый счетчик меняют, у него зуб заболел, книги и конспекты приходится покупать, абонемент подорожал, ее пригласили на день рождения, с пустыми руками нельзя же пойти, сосед электричество ворует, в ванной забыли кран закрыть и утекло бог знает сколько воды, счет пришел сумасшедший и как божья коровка прощупывает дорогу перед собой своими усиками, воспринимая целый миллиметр из окружающего мира, с тревогой пересчитывает свои денежки на пластиковой карточке и в кошельке, сколько может послать, чтобы самой тоже протянуть до конца месяца, но еще не успевает дойти до банка, опять телефон, дочка плачет, что папу на скорой увезли в больницу, из горла ручьем бьет кровь, ничем помочь нельзя, сердце екает, почти останавливается, вполуха слушает вести из того дальнего мира, где муж ее находится между жизнью и смертью, тот человек, кого она оставила почти три года тому назад, и с тех пор не виделись, дети как раз становились самостоятельными, он запил, сначала в кабаках с друзьями выпивал, а потом один у себя дома, водку, а в конце самогон, придется попросить аванс у хозяев, дадут, всегда давали, знают, честно отработает, и нет облегчения, жизнь давит, мучает ее, как и в этом помещении дышать легче не становится, воздух такой же сухой как был, а если убавить отопление — замерзаю, тесно тут, теплоизоляции никакой, за пару минут все остывает, а так задыхаюсь, водичку хлебаю кипяченую, у несчастных жуков такой возможности нет, жадно глотают слюну, обращаясь друг к другу, слова застревают в горле и их крик превращается в глухой хрип, экономят силы, безмолвно делают только самые необходимые движения, как она, ходит только в магазин раз в неделю за покупками для старушки, всего один день отгула, обычно на электричке едет на море, редко купается, нет настроения, однако нуждается в каких-то впечатлениях, которые помогут пережить следующую неделю, сохраняя ее в живых, ложится на песок на шезлонгами отделенном участке в конце пляжа, где беженцы и

иммигранты шумят, вот тут их место, а где им еще быть, ведь это бывшая рабовладельческая страна, знают как это делается, смотрит, как пенящаяся волна выкатывается на песок, за ней тянется, чтобы утащить вглубь, только не достает, но отступить не собирается, наметила ее, дело только во времени, пока подходящий момент не подвернется, а времени у нее уйма, дождется того самого момента, а теперь тренируется, огромным валом нависает, будто с усмешкой говорит, еще встретимся! – пусть мечтает, перебирая свое туманное прошлое, бывшие страдания и теперешние боли, всхлипывает, что даже на похоронах не смогла побывать, родственники так лихорадочно закопали его, но заплатить за церемонию пришлось ей, ты тут единственная, кто порядочно зарабатывает и твой же был, чей же еще, кому еще платить-то? – матери что ли? – или сестре? – откуда? – из ничтожной пенсии? – из пособия по безработице? – и уже даже не всхлипывает, сидит безмолвно, и возвращается на электричке раньше времени, недели проходят, месяцы, это тот период, когда божьи коровки не издают ни одного звука, после их появления в моем помещении сначала беззаботно радуются, ликуют, это длится несколько часов, а потом раздаются первые стоны, но им кажется, неприятности временные и замолкают, ползают и ползают, без остановки, пока они еще никогда не испытывали смерть, всегда только другие погибали, им самим каждый раз удавалось спастись благодаря упорству, стремлению к жизни и везению, значит и на этот раз должно получиться, и она точно такая же рабыня собственного тела, однако верит, Бог ее помилует, поможет, а тут эти антихристы только притворяются что верят, на самом деле жаждут денег, прелюбодействуют, соответствуют одним формальностям, а дома язвительно вспоминают ее, молчит, зараза! – ждала небось, еле дождалась чтобы стать свободной! – может и сошлась там уже с кем-то, иначе давно бы раскисла! – очевидно залезла к кому-то в постель, а этот осиротевший бедняга один маялся, пока не пропал! – что за бесчувственная сука, не случайно уже в четыре года заехала в нос своей новорожденной сестренке, когда ту уложили на ее кровать! – и ходит молча по кругу, старуха, магазин, церковь, банк, и только когда силуэт приехавшего в гости кума появляется на выходе из метро, закричит, каждая ее клетка плачет по отдельности, бежит изо всех сил навстречу, трясет ее, что вот наконец-то к ней кто-то, будто из предыдущей жизни, вдруг прибывает, все ее тело дрожит от внезапных горьких рыданий, и этим рыданиям нет конца, уже никогда не наступит тишина, разве что тоска и слезы будут другими, но поток эмоций не превращается в жалобы, гордость не позволяет, и поэтому не доходят до дома, а если все-таки услышат, все равно

неправильно поймут, скажут, притворяется, чтобы не завидовали ей! – чтобы никому не пришла в голову мысль поехать за ней, помочь другим? – нет уж, все только себе хочет, барыня! – понятия не имею через какие щели пробиваются ко мне божьи коровки, створки окна плотно прилегают друг к другу, на раме тоже не вижу щелей, и не такие уж они маленькие, чтобы, как молекулы воздуха, проникнуть под резиновой прокладкой, потайная дорога должна быть, а что их заманивает сюда, заставляет просовываться через невидимые проходы? – просто протекающая теплота? – непонятный гул своих товарищей изнутри, который через приглушающее двойное стекло может показаться радостным ликованием? – все больше и больше их, крутятся, вертятся на разных поверхностях, взлетают, садятся, поют, стонут, кричат, пыхтят от усталости, переворачиваются на спину навсегда, обычно падают на пол, или я их сталкиваю со стола, чтобы не раздавить их высыхающее тело своим блокнотом, клавиатурой или мышкой, некоторые выбирают себе место умереть, например, прячась под ножкой монитора, залезая в эту узкую щель, не желая публично умирать и лежать трупом на виду у всех, или только притворяются мертвыми, будто они были участниками какой-то секретной миссии и их задача скрыть особое назначение, чтобы никто не заподозрил, дочка пишет эсэмэски и в разговорах по телефону зондирует, нашлась бы там для нее тоже какая-нибудь легкая, но хорошо оплачиваемая работа, жить могли бы вместе, никаких лишних расходов, пихнуть какой-нибудь старушке ужин и она запросто могла бы, да и местные парни скоро бы накинулись на ее молодое упругое тело, и тогда уже никаких проблем, золотое дно, глаза вылезут из орбит у мужиков, особенно у старых женатых, кому за тридцать, слюнки потекут у оборачивающихся за ней на улице, результат гарантирован, всех вокруг пальца обведет, а мать горько молчит, как же дурехе объяснить какие здесь условия, правила в конце пляжа и прочее, ни слова даже об этом не говорит, врешь, старая дура! – напала бы, и не только она, а все дома, и тянет с приглашением, но предотвратить ее приезд не может, знает, еще пару месяцев и там будет хныкать, материться, требовать свою долю, помощи, и сидит, угрюмо глядя перед собой, как я сижу, когда среди своих, так сказать, важных дел за рабочим столом отключаюсь на пару минут, выбираю себе жука, слежу за ним, вспоминаю старую детскую песенку, "...божья коровка улети на небо, там твои детки кушают конфетки, всем по одной, а тебе ни одной...", картинки из детских рассказов вижу перед глазами, где жучок нарисован головой ко мне, занимает полстраницы, усики на лбу как дубинки, вот-вот перелезет мне на руку, скорее на черепашку похож чем на жука, однако миленький, может и на самом деле милый, а

может быть только взрослые так говорят и я это принимаю, любопытно как бы тля об этом отозвалась? – если бы кто-то посторонний наблюдал бы теперь за мной, возможно и не заметил бы мою легкую улыбку, однако на душе становится легче и как шаловливый ребенок пальцем перекрываю жуку дорогу, тот приостанавливается, попытается обойти, подвигаю палец, теперь стоит дольше, думает, грозит ли опасность, я не шевелюсь, поэтому трогается, собирается делать еще больший обход, но я не даю, и тогда вдруг залезает мне на палец, сначала по нижней поверхности ползет, потом лезет вверх, я поднимаю руку близко к глазам и заодно надеваю еще одни очки, чтобы через двойное стекло можно было рассматривать его, как в детстве, когда даже кончик носа мог увидеть, бывало поймаю божью коровку, сниму с листа или с ветки, кто не делал такого? – только из любопытства, ради той улыбки, которая и тогда и сейчас сияет на щеках, вот эту улыбку теперь уже и посторонний может заметить, да какой еще посторонний! – не зайти сюда второму, места нет, а потом отпускаю, такая сентиментальность не для меня, снимаю очки, и вместо утомительной концентрации зрения вблизи, смотрю насквозь, как рентген через стену, и за кирпичами вижу бывшего самого себя, маленького школьника, и Катю тоже, смуглую попрыгунью с черными волосами, платок ее в горошек, в целом вылитая божья коровка, кажется даже на маскараде в виде жука появилась, точно не помню, может кто-то другой был, а я тут вовлекаю ее в свои воспоминания, умиляюсь, гораздо сильнее, чем прелестным насекомым, кстати, о платке вспоминается кружка в горошек, и та, которая подарила мне ее, да, приходится крепко держаться, чтобы не расчувствоваться, и вот дальше чередуются картины из прошлого, пластмассовая ручка со сломанным концом красно-розового цвета, некоторые из жуков такой же масти, вчера еще целая была, в рот берет, грызет, и раньше грыз, как раз того куска не хватает что жевал, откусил? – спрашиваю, отводит глаза, не знает что ответить, сказать ли правду, или лучше кивнуть, да и крышка, а потом все же признается, нет, мама выбила из рук, отломалась! – выбила? – да, некрасиво писал, накричала на меня, как ручку держу и выбила, полетела под диван! – смотрю то на него, то на ручку, его мать прямо перед глазами, сухощавая, нервная женщина, если сравнить ее с чем-то, так как раз с этой внутренней атмосферой можно, приятная и мучительная одновременно, сидим у них во дворе, его отправляет носки стирать, а сама в это время меня об оценках расспрашивает, подозревает, есть там и такие, о которых она не знает, несчастный через минуту выглядывает из кухни, выдам ли его или нет, а я не дурак, если бы знала, не спрашивала бы, с удовольствием попрощался бы сейчас же, но так сразу неудобно, зато подумаю, прийти ли в

следующий раз, часы проходят, дни, под окном все больше и больше мертвых, перевернутых на спину божьих коровок, значит уборщица пылесосом их не достает, высохшие распадаются на части, когда толкну их ногой, целое поколение иммигрантов, о которых даже не подозревают те, кто гордо шагает вперед по раме окна, кто только начинает свое страдание, или как раз погибает, хотя их судьба одинакова, с ними произойдет точно тоже самое, что и с теми под окном, сначала поют, как в старом фильме марширующие на фронт солдаты, а в конце с изумленным взглядом падают вниз, так и тот парень в общежитии, который боксом занимается, сам тренируется по книгам, прыгает перед стеной, бьет кулаком, штукатурка отлетает, шумит, хвастается, гордо показывает голые кирпичи, знаете как больно! – и постоянно пристаёт к деревенскому молодцу с верхнего этажа, дразнит, чтобы подраться, тому надоест, ладно, начинается бой, кругом толпится весь этаж, кричат, спорят кто за кого болеет, наш "мастер" подпрыгивает точно так же, как в книге вычитал и натренировался за последние недели, а тот простой как махнет своей длинной рукой, как даст ему внезапно в челюсть, и он уже лежит на каменном полу кухни, тупым взглядом смотрит в потолок, с трудом поднимается, ехидное ржание превращается в испуг, публика миглом исчезает по комнатам, это дилетантское представление обретает глубокий смысл, каждый вспоминает свои бывшие поражения и предчувствует неудачу в будущем, напряжение на работе, борьбу за место, за деньги, как бы отделать друг друга то всерьез, то тренируясь, надо же сохранять форму, понадобится в семейных ссорах, кто кому изменил, за наследство, в ненависти из-за чепухи, вроде неправильно поставленной зубной пасты, при разводе в грызне за имущество, кому детей растить, и как молодые быки, упершись лбами, не замечают топора мясника, меняют работу, супругу, родину, душу, и что от них остается? – пустая оболочка, выглядывая через окно, сегодняшнее зимнее утро кажется мне более менее веселым, на просматриваемом участке улицы тихо, на лицах мимо проходящих благодушие, ну по крайней мере покой, или это всего лишь безразличие? – всегда кто-то улыбается, звонит, целеустремленно шагает в сторону автовокзала, точно так, как я когда-то торопился по параллельной улице билет покупать в тот дальний угол страны, где она жила, на озере, на летнем фестивале встретил ее, обнимал с мальчишеской робостью первый раз в жизни, тело ее обжигало, оставляя след любви во мне навсегда, навестить собирался ее на зимних каникулах, денег еле хватило на билет, да откуда взять мне их было? – поездка стоила полугодовых карманных денег, что от родителей получал, решил подработать, натаскал в школьный подвал уголь на весь сезон, гордо, однако с

нехорошим предчувствием шагал я при свирепом морозе в кассу и не ошибся, через пару дней пришла телеграмма, родители запретили ей принимать меня, живут они в деревне, слухи распространяются мигом, я уеду, порыв любви пройдет, а их дочку местные ребята стороной будут обходить, цепные собаки воют так, вытоптав траву вокруг себя начисто, как я выл, кидаются, скалятся, пытаются сорваться с цепи, лают на всех и на все, от бессильного гнева превратившись в сбесившийся кусок мяса, в другой такой же солнечный день стою на окраине города, попутную машину ловлю на главной дороге, в летней жаре, о том разорванном автобусном билете уже и не вспоминаю, его жалкие куски разлетелись во времени, цепь моя длинная, будто ее и нет, тянется через страны, ну-ка гляну на ту студентку из медицинского, думаю, стройная, с прекрасными длинными ногами, каштановыми, достигающими талии волосами, а что лицо в прыщах? – может кому-то мешает, а мне абсолютно нет, главное душа, не буду концентрироваться на лице, кстати, человек хорошеет в огне любви, кожа разглаживается, в самозабвении сияет как солнце, ни пятен, ни извержений, одно животворное равномерное тепло, приближающимся вечером шагаю по узким улицам среди примыкающих друг к другу домов, в их тени бьют лучи моих жарких фантазий, всего лишь один раз был у нее, недавно, потому знаю, что одна живет и как раз не встречается ни с кем, довольно странно, однако и обещающе, запросто может захотеть меня, как горели ее глаза! – конечно в курсе, ведь не дура, вряд ли влюблен я в нее по уши, но и то знает, не обмануть собираюсь ее, понимает все как надо до последней детали и когда открывает мне дверь, в первом взгляде мелькает решение, могу оставаться на ночь, но стелит мне в соседней комнате, трудно сказать почему, не ищу объяснения, принимаю сразу, только потом, много лет спустя, делая свои мучительные круги, или как сейчас, размечтавшись над божьими коровками, анализирую ситуацию, ищу причину, не обидел ли ее? – нет, спокоен я на этот счет, вот и в памяти моей только красота сохранилась, как стою на дороге в послеобеденном ярком солнечном свете, думаю о ней, привыкаю к прикосновению ее демонических кос, к овладению упругим женским телом, и прямо перед глазами, как при наступающем мраке заворачиваю на ее улицу, и блеск моих глаз освещает дорогу передо мной, нет во мне обиды или злости, жалко, конечно, что наши отношения сошли на нет, прежде чем начались, возможно и ей самой жалко уже, выглядывая из своей комнаты, надеюсь, на более широкий горизонт, чем у меня тут, задумается и не поймет, почему так решила, мне кажется, она тогда как раз отдыхала, присела, как божья коровка между двумя длинными походами, только расправив свои крылья, захлестнуло сердце желание иметь

все и сразу, что я точно не мог ей дать в тот момент, не была готова идти ни на какой компромисс, собравшись с силами как раз пыталась сделать очередной рывок, направляясь в поиск, будто никогда не принимала еще милостыню от судьбы, вместо росы две капли оживляющей воды из стакана, будто не отдавалась своему однокурснику под душем, исчезнув на полчаса во время танцев, никогда не удовлетворяла сама себя, а то поменяла бы свою руку на кого угодно, лишь бы был живым мужчиной, сегодняшняя ясная зимняя погода сверкает от ее надежды и от моего юношеского бесконечного покоя, в этом сказочном свете город протягивает свои окоченевшие дороги, кварталы, мне из этого всего мало что видно, лишь то, что просматривается через окно, но слышу, как каменное тело города вздыхает, радуется, он счастлив, пока еще весь блестит, туман опустится только тогда, когда алый диск Солнца в конце улицы скроется за верхним этажом гипермаркета, лобовые стекла машин приобретают палевый цвет, голые ветви деревьев наряжаются серебром инея, взъерошенные, сгорбившиеся голуби прижимаются друг к другу, но это будет только потом, попозже, теперь еще голуби смело лавируют между ногами пешеходов, клюют известь из обвалившейся штукатурки стен, ветви от жажды света вытягиваются чуть не до неба, машины суетливо мчатся, оставляя белый дым за собой, припаркуются, а через пару минут покатаются дальше, прямо в золотой диск на крыше гипермаркета на секунду приостановившегося утомленного Солнца, теперь приходится прижимать свое ухо плотно к столу, если хочу услышать божьих коровок, молчат, ушли в себя, так плотно прижимать, как дети прижимают ухо к рельсам на деревенском вокзале, ловят звук ожидаемого поезда, балансируют по узкому металлу рельсов, словно акробаты на канате, считают, кому сколько шагов удастся пройти, руки, как у чучела, вытягивают в стороны, пошатываются, звонко смеются, выжидающе глядят в сторону дальнего поворота, не чернеет ли там уже локомотив, один за другим бросаются коленями на шпалы, кто первый поймает гул поезда, нет, не слышно еще, встают и, визжа, продолжают игру, ждут кого-то, или сами едут куда-то, вдруг один орет, а я уже слышу! – все опять на шпалах и кричат, идет! – да, точно, поезд идет! – и на повороте действительно появляется черное пятно локомотива, родители перестают разговаривать между собой, отдают приказ, ну ка сюда! – каждый хватает своего, что-то поправляет обязательно на нем, курточку, или шапочку и с этого момента люди уходят в себя, сосредоточивая свое внимание исключительно на встрече с приезжающими, или как бы им самим быстрее, удобнее сесть в вагон, в конце недели многие возвращаются с работы, бывает, некоторые только раз в месяц приезжают домой, а то и реже, обнимают

друг друга, целуют, потоком направляются к выходу, а состав медленно трогается и уходит, вот и я опять прислоняю ухо к столу, в этом положении все вокруг кажется огромным, ручка, карандаш, резинка, будто стена стала еще ближе и полка на ней еще громаднее, это в принципе обыкновенная полка, в нормальном помещении смотрелась бы совсем неплохо, слышу оханье, жалобы жуков, и так опять вспоминаю вокзал, как люди, оставляя каждодневные заботы за спиной, устало тащатся домой, в их движениях мягкость, любовь, мало говорят, молча поворачивают на свою улицу, ужинают, принимают ванну, ласкают друг друга, и заснув крепким сном, вдруг как в сказке, оказываются в завтрашнем дне, слушая звуки, поднятые жуками, бесцельно разглядываю желтую окраску стены, и тут доходит до уха гул какой-то, сначала думаю, это опять мое стареющее ухо шутит со мной, однако все громче, выразительнее становится этот новый звук, поднимая голову, что это такое? – тогда все стихает, и, выглянув через окно, вижу, стемнело, тени исчезли, тусклая серость опускается на дорогу, на тротуар, на деревья, с подозрением опять прикладываю ухо к столу, и вздрагиваю от испуга, это они, жуки, сквозь хитиновые щупальцы прорываются их жалобы, что они голодны, им страшно хочется пить, несчастны, утомлены, хором шумят, как в крупных городах на главной площади бунтующая толпа, строят баррикады из перевернутых машин, автобусов, мусорных баков, мебели взломанных магазинов, кидаются булыжниками, поджигают шины, черный дым окутывает весь квартал, подбадривают друг друга идти вперед и во все горло орут, что даже слова соседа никто не понимает, зато на душе становится легче, их кругленькая спинка, смешная походка больше не внушают веселья, их шествие приобретает автоматизм, маршируют, как идущие на фронт солдаты, их движения и действия не контролируются сознанием, точно так, как он садится в поезд, его мысли далеко позади и впереди, пытается сложить куски прошлого, чтобы вырисовались контуры будущего и старается увидеть все это в целом, рефлекторно ставит свою ногу на нижнюю ступень, свой огромный чемодан одним махом кидает на пол тамбура, поднимется, заходит в вагон, и не особо оглядываясь, садится на свободное место, не с кем попрощаться, такого наверное не было еще, край начинает убегать назад, задумчиво глядит в поле, а потом, отводя глаза от окна, взгляд его встречается с неподвижно диким взглядом сидящего напротив молодого человека, сразу узнает его, бывший одноклассник, слышал, тяжело болен, привет, как дела, не узнаешь, правда? – конечно узнаю, только давно не виделись! – ага, да и худо выгляжу, рак съел меня, однако твою мать пережил, хотя у нее и позже началось! – а все же, как ты? – не видишь, что ли? – пару дней осталось, но

двое опередили, кто вначале жалели, твоя мать и кореш из соседнего поселка, с ним часто ходили вместе на танцы, а теперь внизу пляшет, одновременно лежали в клинике, они оба сыграли в ящик, а я тут катаюсь с тобой на поезде, правда, не долго уже, закопают скоро и меня! – ты что, действительно встречал мою маму? – не то что встречал, избегать трудно было ее, со своими кровавыми деснами постоянно о тебе болтала в коридоре, а ты то здоров, чтоб тебя черт побрал! – уже возвращаешься, как это, не дали больше отгула? – нет – уезжай, конечно, к чему тебе тут сидеть в дыре, плюнь на нас! – женился, что ли? – да – слышал, говорила, хотелось бы ей увидеть еще своего внука, но не тут-то было, срок пришел и все, убирайся, врач пусть болтает, что еще годы остались, чепуха, может сделать одолжение, не выпросишь большего, в морг и крышка! – где работаешь, вообще работаешь уже? – нет, учусь, в этом году закончу – ну, ну, помню, говорила, что хотелось бы увидеть и твой диплом! – господином будешь, красавчик! – в первые дни без конца и края лепетала, как всегда, потом стихла, не узнать было, ну я сюда, на ферму, выхожу, посмотри на меня в последний раз, елки палки, но ничего, и ваша очередь тоже подойдет! – с трудом поднимается, пошатываясь хватает край верхней полки, выходит в тамбур, неуклюже спускается по ступенькам, я еду дальше, оставляя его за спиной, жизнь оставляет его за спиной, только отзвук его голоса слышен десятилетиями, перемешавшийся с бесчисленными другими жалобами, беспомощным скулением, раздирающим криком, воплями шестидесятилетней жены, глотая слезы говорит по телефону, уходит, понимаешь? – муж бросает меня! – на тридцать лет моложе баба! – сошел с ума, ненормальный! – что теперь мне делать, со своим обвисшим задом, висячей грудью, соревноваться с этой шлюхой? – кому я нужна, никому! – может броситься с восьмого этажа? – или самой уйти, пока не выселят из квартиры? – ты уверена, действительно собирается уйти? – он бы так не поступал, если бы не собирался, постоянно требует оставить его в покое, не лишать той радости, какую я не могу дать ему сама! – а если только погулять захотелось, последний раз в жизни? – это меня не волнует, я так не могу, унижает, стыдно мне, как тебе не понять? – плачу и плачу целыми днями! – пусть гуляет, дай ему свободу, позволишь, меньше раздражать будет! – глупости несешь, может трусы чистые ему одеть? – хорошая мысль, была бы его мамой, точно не ограничивала бы! – но я не мать а жена, и так мы слишком перепутали роли, чего мне потакать той проститутке? – не ей делаешь добро, а мужу, помоги своему любимому, половину жизни вместе прожили! – что? – еще мне помочь ему? – ну да, прости его, вроде не верующая, можешь сама простить, у верующих все Бог прощает! – отстань, хватит твоих дурацких идей, оставь

меня, дай выплакаться! – и боль перемешивается с шумом бомжа, в мусорнике рыщет, пытается достать съедобные отходы, движения замедленные, ни одного лишнего, потихонечку все складывает в грязную пластмассовую коробку, темно, довольно холодно, мимо, рука в руку проходит пожилая пара, дай ему сколько-нибудь! – говорит жена – зачем, чтобы пропил? – видишь, какой он несчастный! – так ты ему не поможешь! – прошу тебя, дай ему, пожалуйста, ладно? – и за это время удаляются метров на тридцать и тот тоже уходит медленным шагом в противоположную сторону, ну хорошо, дам! – муж разворачивается, достает из кошелька пару монет, догоняет беднягу, руку кладет на плечо, тот со страхом оборачивается, даже пошатнется от непривычно резкого движения, жена просит вас передать! – протягивает ему руку с монетами, тот поймет наконец-то, улыбнется, возьмет деньги, Бог благословит вас! – произносит, мужчина возвращается к жене берет ее за руку, идут дальше, не видят, что несчастный все еще стоит на том же месте, горбится, смотрит им вслед, а потом поволочится в сторону главной площади, что-то бормочет, но не понять, гул голосов заглушает его, поднятая жуками и людьми какофония звуков, кажется даже громкая музыка катка на главной площади над ним издевается, не для тех немногих играет, кто в этот поздний час, падая, пытается кататься на коньках, ну да, кто умеет кататься, не сюда приходит, даже бой часов костела еле выделяется из страшного шума, смотрю на монотонное марширование жуков по моему столу, они похожи на перегруженную телегу, тащущуюся по ухабам, шатаются как отец после пьянки, возвращаясь домой под утро, открывая дверь орет, суки, прочь! – имеете чтонибудь против? – спотыкаясь в темноте, заходит на кухню, ящик со столовыми приборами бросает на пол, металлические вилки, ложки, ножи с грохотом падают на камень, роется среди них, быстро находит большой кухонный нож, размахивает им, имею право пить, пью сколько захочу, я тут деньги зарабатываю, трачу их как мне хочется, нет у меня другой радости с вами! – ну что, молчите, сволочи? – и мать с двумя дочками трясутся под одеялом, хоть-бы замерз какнибудь ночью в яме возле дороги, думают и в мыслях вместе нападают на него, выхватывают из его рук нож, и втыкают ему в брюхо, пусть вытекает вся дрянь, что выпил, но наяву даже не шелохнутся, дрожат не пикнув, а тот остервенело всаживает нож в дверную раму, помилую вас, так и быть, в последний раз, бляди! – одетый разваливается на диване, громко храпит, с этого момента и семье легче, напряженные нервы расслабляются, до утра уже точно не тронет их, кошмары будут сниться, но могут поспать еще чуть-чуть, и, глядя на божьих коровок, как они по краю стола, еле поднимая свое брюшко волочатся по прямой, вспоминаю движения

усталого до изнеможения мужчины после ночной смены, слезает с велосипеда, садится за стол, жена еще в постели, часто болеет, потому не работает, старается побольше отдыхать, не готовит ни себе, ни мужу, нет завтрака, сидит он, смотрит сонными кровавыми глазами, в кладовке берет сало, отрезает кусок, не так голоден, как переутомлен, лучше бы поспал, глотает крупные куски сала, без тарелки отрезая толстые куски то на столе, то на ладони, коричневые следы порезов остаются на скатерти, на пальцах, закончив, крошки смахивает со стола, переодевается, поношенные, рваные шмотки одевает, и берется за стирку на старой стиральной машине, она воду не греет, так что еще и воду надо подогревать, кормит скот, убирает навоз из-под него, в саду пропалывает несколько грядок, а потом раз-два начинает готовить, чтобы было чем накормить сына, когда придет из школы, и все это делает крайне размеренно, в таких случаях мозг старается контролировать каждое малейшее движение, чтобы не ошибиться от усталости, чтобы все происходило правильно, не слишком медленно, как тело требует, и не так быстро, как хотелось бы, но от этой работы еще больше устает, двигается как в замедленном фильме, после обеда моет посуду, кукурузу несет на мельницу молот, по дороге забегает в магазин, кое-что ремонтирует, даже удар молотка как-то ненормально звучит, когда наполовину уснувший забивает гвоздь, и ждет не дожидается возможности подремать пару часов перед выходом в очередную ночную смену, ведь должен выдержать до утра, сегодня, завтра и каждый следующий день, и наблюдая за утомленными жуками, вспоминается молодой человек, весь влюбленный, утром сонный возвращается домой, голова трещит, будто в тиски зажали, глаза искрятся, всю ночь гуляет со своей девушкой по городу, некуда ее пригласить, в комнату, что снимает, хозяин не разрешает, в ее общежитие его не пускают, на гостиницу денег не хватает, остается гуляние при луне, обнимаются, целуются, через рубашку касается ее груди, всем телом испытывает вожделение, перед закрытием последнего кафе покупают кофе и пирожное, а потом обнявшись, греют друг друга на скамейке напротив костела, ночи прохладные, особенно для того, кому негде приютиться, кто идет по улице с определенной целью, не мерзнет, а кто вытеснен, быстро ощущает пронизывающий до костей холод, чувствует себя заброшенным, беззащитным, желает любви и телесного тепла, жадно ищет губы девушки, алые от наслаждения они чувственно расслабляются, жаждут прикосновения любимого, и ему с головой хочется залезть в эту живую, горячую полость, всем телом, и раствориться там, чтобы каждая его клетка по отдельности согревалась в мокрой пещере женских тканей, и всеми нервными окончаниями испытывать объятие голого

натурального человеческого мяса, такое чувство уникальное, ни с чем не сравнимое, час так проходит, два, а потом уже очень хочется писать, да и яички начинают болеть от чрезмерного возбуждения, идет в кусты облегчиться, позже и девушка присядет там же, на скамейку уже не возвращаются, сейчас чувствуют, насколько продрогли, поздно уже, далеко за полночь, спать охота, правда еще не очень, это пока только первая атака усталости, уже не раз приходилось перебороть, на вокзал идти не стоит, зал ожидания скоро закроют на три часа, вроде бы уборкой занимаются, а на самом деле от таких как они закрываются, или от бездомных, которые постоянно ночевали бы там, направляются в центр города, а вдруг открытой осталась одна из будок на площади, нет, все закрыты, залезают в деревянное сооружение сцены летнего театра, но там узко, неудобно, немеют конечности, да и нисколько не теплее, чем снаружи, ходят туда-сюда, смотрят на часы, ну когда же наконец-то откроют вокзал, еще полтора часа, еще час, уже только полчаса, и в мыслях уже прилегли на скамейку в зале ожидания, о нет, не надолго, всего лишь на минут пятнадцать, может быть на полчаса, это уже вторая атака усталости, гораздо хуже первой, но все же не сравнить со страданиями божьих коровок, наконец-то открывают вокзал, девушку укладывает на скамейку, ее голову себе на колени, свою же прислоняет к стене, так дремлют, счастливые и одновременно несчастные, не в душе копаются, а просто чувствуют и все, такого переутомления еще никогда раньше не испытывали, а потом снова наступает полоса, когда изнеможение отступает, к этому времени открываются магазины, кафе и библиотека, как ни странно, рано утром открывается, интересно, кто же ходит в библиотеку в семь утра, никого нет, естественно, когда заходят, садятся за компьютер, надевают наушники, слушают музыку, на данный момент чувствуют себя совсем бодро, будто и не под открытым небом, на ногах провели ночь, и если бы не совершали каких-то мелких ошибок в своих действиях, совсем бы и забыли насколько они утомлены, но ошибаются, и это не ускользает от внимания молодого человека, делает кислое лицо кликнув мимо файла, неправильно надевая наушники, или посмотрев на свои часы, вместо того, чтобы взглянуть в правый нижний угол экрана, понимает, откуда эти ошибки, что они значат, очевидно очень даже скоро придется им расстаться, и когда, почти заснув сидя, почувствует сжимающую боль в висках, нежно прикоснется к каштановым волосам девушки, пошли! – говорит, встают и у входа общежития последний раз обнимают друг друга, ну, пока, до вечера! – отдыхай!- и расходятся, направляется домой не оглядываясь, хочет ее приучить, что он не оглядывается, пересекает центр, на лице легкая улыбка, смеется над собственной угловатостью, на улице никто не замечает

тисками сжимающую боль в висках, шаткую походку, тем более никто не замечает лихорадочный блеск в глазах, не слышит звон в его ушах, другим все это никак не уловить! – и в его улыбке просачивается горечь, радость и неудовлетворенность, усталость и грустное предчувствие будущего, пока дойдет до дома, косая морщина лица превратится в глубокую яму, в которой та самая улыбка бесследно исчезнет, действительно, вечером или ночью, когда меня здесь нет, и последний уходящий выключает свет в коридоре, и лучи неона уже не проникают через стеклянную дверь, только уличные фонари горят, и тогда ходят? – спят ли ночью? – если да, снятся ли им сны? – перед сном смотрят ли на звезды, которые едва виднеются? – что значит для них вселенная, в ней кто они для самих себя, и что для них все другое, о чем они знают? – молятся ли кому-нибудь, чтобы помог им, пока наступит новый день? – верят ли, что Бог их любит и услышит? – в кого верят, если верят? – или без веры держатся тут на земле миллионы лет? – что они знают о жизни и смерти по сравнению со мной? – какое-то представление у них должно быть, если уж пробуют бежать отсюда, разница в наших познаниях об истине ничтожна, ха, ха, ха! – вот возьму карандаш и поскоблю им задницы, они может быть и умнее меня, кто по своей воле приходит сюда, вглядываюсь в их шаткую походку, у меня прямо перед глазами, как они в летнее время по травинкам, по кустам роз балансируют, подвигаю мышку, засветится экран, пишу в поисковую программу "божья коровка", сыплются результаты, открываю один, читаю, "яйцо", "личинка", "кукольная стадия", "жук", "полное превращение", "полезная", "милая", "популярная", "дети", живет меньше года, обычно всего лишь несколько месяцев, какая власть в моих руках! – какое ничтожество! – могу написать хоть слово "вселенная", и фантастические просторы откроются передо мной, если захочу и в собственное тело могу заглянуть, часами изучать одну единственную свою клетку, как выглядит, как функционирует, и более того! – еще глубже могу покопаться, до самих молекул, в каких это отношениях со смыслом жизни и смерти? – больше или меньше, чем верить в Бога, забытого бывшего, или еще не родившегося? – наша теперешняя вера, изношенная до предела, трещит по всем швам, скоро распадется вдребезги, и вместо нее родится новая, основанная на наших актуальных познаниях о мире, полторы тысячи лет, один миг, продержится наверняка, в среднем приблизительно столько дано жить вере, да, создадим новую, потому что нам, людям, никак нельзя без веры, мы такие, без нее как-то не идет, другие существа, в том числе божьи коровки, по другому выживают, выносят ряд тяжелых испытаний, только их крик и жалобы похожи на наши, пока назло всем бедам продолжаем свой род во времени, и так в скором будущем

мы, быть может, начнем молиться Млечному Пути, всемогущему, думающему, или сверхскоплению галактик Девы, или вообще Вселенной, которая, возможно, нечто другое, чем жучок в другом измерении, начнем молиться точно так, как на нас могли бы молиться элементы нашей плоти, жители атомов, если бы в силах были осознать, что скопление их самих, это есть мы, люди, жучки на столе, мы их Боги, и кстати, попали бы в точку, молясь на нас, ведь их существование неизбежно связано с нашим, зависит от того, сумеем ли мы продолжить свой род, а кто же управляет размножением? – я сам? – моя супруга? – мы вместе? – или слепо руководит нами какая-то сверхъестественная, а то может быть до сих пор недооцененная сила? – стоит молодой человек в деревне на автобусной остановке, подъезжает автобус, люди выходят, его девушки нет среди них, захлопывается дверь, взревев мотором, автобус исчезает в густом снегопаде, идет домой весь в снегу, от отсутствия любимой не по себе, почему не приехала на его день рождения? – может быть для того, чтобы ровно пять лет спустя та другая, неожиданная, смогла бы прийти в крохотный деревянный домик, типа летней дачи, кругом ни души, одни крысы шуршат, днем их не видно, только по ночам бегают по комнате, три дня он собирается провести тут, отметить свой праздник в одиночестве, немножко и поработать, сидит перед окном над книгой, иногда поднимая взгляд, любуется снегопадом, в очередной раз посмотрев в окно видит приближающуюся молодую женщину, узнает сразу, как она тут оказалась? – и она в теплом пальто, шагая решительно по глубокому снегу, сама не верит, что в этой избушке кого-нибудь застанет, а тем более именно его, свое будущее, всю последующую жизнь, узнала от друзей, что он вроде направился сюда, но весь край такой заброшенный, пустой, даже представить трудно, что он действительно тут, уверена, дверь будет закрыта на замок, через пару секунд придется возвращаться, и тогда чудо из чудес, открывается дверь, раздаются два звонких смеха, и грязь, похоть, где самые прекрасные вещи обычно рождаются, рождает своего нового, прекрасного младенца, потихонечку делаю свои дела на вычислительной машине, жуки барахтаются дальше, но нельзя-же все время только ими заниматься, у меня тут в конце концов есть обязанности, и так иногда всплывают воспоминания далекого прошлого, сидим с женой, молодые супруги, ласкает меня, знаешь, рассказывает, и целует в щеку, года три тому назад я гостила у своей сестры, ложимся спать, мне постелили в летней кухне на диване, хорошо, думаю, пусть они, молодая пара, ночуют в единственной комнате, тут никому не мешаю, сестра спрашивает, углы посчитала? – смеемся, да что ты, к черту с твоим суеверием! – однако провожу глазами по углам, еле видны, скорее сарай это,

нежели кухня, всякие инструменты, ящики поставлены кругом, напротив, возле стены, большая печь, летом, бывает, готовят на ней, потому называют помещение кухней, а ведь из-за дивана, на котором буду спать, и они иногда после обеда ложатся, даже комнатой могли бы назвать, сойдет так? – сойдет! – отвечает с таинственной улыбкой, полностью уверена, что мне тут приснится жених, уходит, и я совершенно спокойно засыпаю, намного спокойнее, чем просыпаюсь утром, потому что кто мне приснился, ну, как ты думаешь? – ты, голубчик, и только досадливо махнула рукой, вот, столько и стоят ее суеверия! – это же невозможно! – почему именно ты? – это исключено, хоть бы ктонибудь более реальный приснился, и ласкает меня, целует, я ее взаимно, обнимаю, такая милая она! – такая теплая! – такая вечно женственная! – в таком случае моя дыра волшебное место должно быть, как в литейном ковше брызжет раскаленная сталь, чтобы приобрести форму, так и в комнате уйма боли, стона, скрипа суставов, крика, тяжелых вздохов, человеческих и нечеловеческих мечтаний концентрируется в крошечном месте, если чудо происходит на самом деле в грязи, так это помещение должно быть местом рождения чего-то прекрасного, бесподобного, после бесчисленных унижений и несчастий нечто величественное, почти что божественное должно тут родиться, может сама жизнь, только увы, жизнь неотделима от смерти, что это за звук? – жуков рвет? – или заведующий отделением кряхтит, задыхается? – пару часов тому назад сообщили результат, у него не пневмония, а рак легких, уже неоперабельный с отдаленными метастазами, собирает свои личные вещи, спасибо ребята, что так хорошо относились ко мне, рад был с вами работать, я больше не зайду сюда, прошу меня не навещать, сохраните в памяти таким, какой я есть сейчас! – говорит, берет сумку, уходит, все смотрят ему в след, худенький, низкого роста, а теперь уж совсем высохший, идет в небытие, закрывает за собой дверь, все молчат, ни звука, а в другом конце города в эти же минуты трамвай сбивает мотоциклиста, колеса бешено искрятся при торможении, но поздно уже, сначала мотоцикл, а потом и несчастного юношу разрывает в клочья, на выпускной получил в подарок, сразу подался в столицу, пусть видят господ, какой у него, у простого сельского парня, моцик, а еще на другой улице, совсем рядом, мать, у которой двое детей, кусает губы, плечи дрожат, машину закрывает изнутри, из кармана достает коробку снотворного, переезжает на пару улиц дальше от дома, недалеко, чтобы легко нашли, таблетки высыпет на ладонь, все сразу сует в рот, без воды трудно проглотить, воду забыла взять, но все-таки получается, ой! – как хорошо бы проснувшись, увидеть мужа на соседнем сидении, на тротуаре своих двух замечательных дочерей, обе испуганные, и

муж умоляет о прощении, клянется больше такого не делать, вдруг ей кажется, темнеет, а на самом деле вовсе нет, солнце бьет, как обычно в полдень, и внезапно наступает ночь, в чем-то она ошиблась, в количестве таблеток, в расстоянии от дома, а скорее всего в своем поступке, находят ее только на следующий день, и в солнечном свете сверкающая ночь остается для нее навсегда, и когда кажется смерть побеждает все, и апокалиптическим гневом сносит жизнь, как это случается в кровавых войнах и мировых эпидемиях, как истребляет божьих коровок, все падают, гибнут, ни одного возрождения, мы, слабые, тайком все равно надеемся на жизнь, верим, что она победит, поможет нам, молимся ей, чтобы услышала нас, проросла пышно тысячами новых ростков, и жизнь всегда услышит, возможно не именно нас, но кого-нибудь обязательно, и внезапно, придя в себя, сильная и непререкаемая смело встает перед смертью и неустрашимо сметает ее с пути, прислоняюсь к спинке стула, кликнув мышкой по экрану рассматриваю свою сегодняшнюю работу, что сделал и чего не успел, не всегда хватает сил все закончить, значит оставлю на завтра, на послезавтра, замечаю, похолодало, да, во второй половине дня выключают отопление, это рационально, в нормальных кабинетах температура снижается медленно, стены и воздух хорошо держат тепло, хватает до конца рабочего дня, а в моем сразу заметно, если батарея не греет, из выдвижного ящика стола достаю кусок печенья, грызу, выпиваю пару глотков воды, бедные божьи коровки! – им и этого не достается, наклоняюсь вперед, локтем на бедро, оперев голову на ладонь, задумываюсь, обычно в этой же позе выпиваю свой кофе на террасе нашей сельской дачи по утрам, сижу на маленьком стульчике, гляжу на наружный блок кондиционера, установленного на задней стене соседнего дома, до которого рукой подать, неприятно гремит, выключается на короткое время, включается опять, сосед поставил, пока нас не было, водосточную трубу собираюсь ремонтировать, дашь свой ключ? – к следующему разу, когда приедешь, будет готово! – интересно, что его заставило так поступить? – демонстрирует свою силу? – наслаждается тем, что мне мешает? – может настолько беспокоил бы его грохот собственного кондиционера у себя во дворе, что пошел даже на такое? – да еще и шантажирует, подаст в суд, если трону, найдет причину, да! – интересная проблема! – помешиваю кофе, правда, сахар уже давно растворился и абсолютно не горячий, может быть делает то же самое, что и божья коровка? – идет, идет, целый миллиметр воспринимая перед собой, не обращая внимания ни на кого и ни на что, стремится к своей представленной цели, занимается только следующим своим шагом, переживает! – победит! – докажет! – зато божьи коровки не нападают друг

на друга! – не думаю, что сниму, вот и в эту дыру прихожу ежедневно! – когда-нибудь поймет, как и тот, кто это уродливое помещение построил, тем более, кому пришло в голову создать его, каким необъятным не был бы мир, им руководит всего лишь несколько основных, таинственных законов, и снимет устройство сам, удивленный, как он мог себе такое позволить, возможно, будет уже поздно осознать свою ошибку, когда, как эти жуки, измученный и разочарованный, неизбежно упадет в бездну, поднимаясь со стульчика, выпиваю остатки своего кофе, и вот упадет вместе с ним тот, кто это все инициировал, и посмотрю в сторону сада, где другой сосед живет, это уже не первое поколение ползает тут, но их количество постепенно сокращается, тела павших уборщица собирает, вы тут разводите их? – шутит, очень трудно достать из-под стола! – я улыбаюсь, как обычно, еще первая моя любовь определила, что у меня слегка инфантильная улыбка, возможно они меня любят! – видите ли, прямо рвутся ко мне! – миленькие, согласитесь! – приползают на тепло! – в других комнатах разве их нет? – нет, но в городе многие жалуются! – правда, жалуются? – значит они их не стоят, очевидно по ошибке попали туда! – и бросаю взгляд, сидит ли еще под экраном тот самый жучок, среди первых приполз, не на столе лежит, а к монитору прилип, уборщица, убирая на столе, бывает, передвигает экран, он двигается вместе с ним, остается незамеченным, не выдам, но если случайно увидит, защищать не стану, думаю, пусть судьба решает, пусть каждый борется за себя, и этот выйдет как труп, высохший, как остальные, но разве труп мог бы так крепко прицепиться и упорно висеть головой вниз? – странно, не правда ли? – труп так долго, отчаянно бы не держался! – прицепился и высох в таком положении? – нет, не совсем, настолько плотно прижимается к пластику, будто его жизнь зависит от этой схватки, как молодые влюбленные прижимаются друг к другу, желая слиться в одно единое, чтобы каждая их клетка наслаждалась теплым прикосновением клетки любимого человека, или как немолодые супруги, после десятилетиями тянувшейся семейной борьбы гуляют по улице, держась за руки, вызывая улыбку прохожих, приближающегося вечного одиночества боятся? – слишком близко, несет холодом от него? – или же поняли, может быть не вовремя, однако не слишком поздно, значение и силу всемогущих законов света? – спят отдельно, удобнее так, достаточно мудрые, не обижаются по этому поводу, но перед сном один из них перебирается в постель другого, долго лежат, разговаривают перед сном, в темноту комнаты попадает свет окон противоположного дома, при этом скудном освещении все выглядит так, будто годы и не пролетели, будто все было как в молодости, ласкают, целуют, обнимают друг друга, это самые

прекрасные минуты дня, и только когда зеленый циферблат электронных часов показывает слишком позднее время, возвращается обратно в свою постель, очень даже понимают, диктор прав, когда по радио говорит, к старческому одиночеству необходимо подготовиться, супруги обычно не вместе покидают этот свет! – жаль, а то многие, наверное, согласились бы! – первые несколько сотен тысяч лет после смерти будет достаточно, чтобы привыкнуть к уединению, чтобы потом выдержать последующее бесконечное одиночество, любовь и вера, как сама жизнь, необъяснимы, невозможно понять, откуда они приходят, куда путь держат, банально простые и непознаваемо сложные, сидит мать перед компьютером, разговаривает с сыном, дальняя связь несовершенна, изображение не четкое, а у матери все же блеск счастья в глазах, будто они тут в комнате сидят рядом, а не на расстоянии в сотни километров, при разговоре взволнованно протягивает руку к экрану, проводит по твердому стеклу, заметит, стыдливо улыбнется, и в то же время глаза затуманятся, ей такое дозволено, тот молодой человек часть ее тела, самое драгоценное существо на свете, может не самый хороший, красивый, умный, стремительный, не наилучший из лучших, но он тот незаменимый единственный, кого она больше всех любит, вера и любовь не мера стоимости, показывают не цену, они существуют сами по себе, вдруг всплывают из ничего, как сама жизнь, возникают, чтобы исчезнуть, и когда мы грустно смиряемся уже с их поражением, они торжествующе появляются вновь, ой, как много тех, кто злоупотребляет этим их качеством! – кто рассчитывает на то, что человеческие массы слепо будут следовать за ними, обманщиками, но вера, любовь и со смертью вечно воюющая жизнь, хорошо подготовлены к борьбе с шарлатанами, и как раз в день их торжества сводят с ними счеты, ведь даже злые собаки знают грань, прыгают, лают, скалятся, но приостанавливаются, когда надо, приближается мотоцикл, вдвоем едут, совсем медленно, почти шагом, возле реки красивый лес, туда направились, узкая тропинка ведет возле горки щебня, но взбесившиеся собаки перекрывают им дорогу, их семь или восемь, выродки, стройматериал стерегут, что ли? – очевидно придется разворачиваться, их никак не объехать, пока приближаются к ним, они на месте бушуют, подняв страшный шум, но стоит проехать мимо, инстинкт сработает и погонятся вслед, набросятся, оставшиеся метры лучше использовать к подготовке побега, кто водит, знает, сразу как повернутся к ним спиной, они немедленно кинутся в погоню, так что развернувшись, надо дать газ, убраться побыстрее, так и поступает, но от резкого ускорения на мелком гравии мотоцикл скользит, кидает его из стороны в сторону, удаляются, однако недостаточно быстро, а собаки, как и знал, сразу вслед,

чувствует, теряет управление, неизбежно упадут, черт побери! – еще никогда не падал со своим мотом, и перед глазами уже картина, как грохнутся, собаки окружают их и начинают терзать, да еще неизвестно чем закончится само падение, какие раны, переломы получат, хватит ли сил защищаться, и в тот же миг уже лежат на земле, мотор ревет, заднее колесо крутится с бешеной скоростью, смотрит назад, прямо в лицо приятелю, отражается ли боль на нем, а потом на свору, и не верит своим глазам, остепенившись, стоят в трех метрах от них, еле гавкают, с недоумением глядят на их беспомощное положение, они же хотели не этого! – могли бы сражаться, как здорово было бы, но так! – в их глазах жалость, и так как помочь ничем не могут, медленно убираются, оба встают, заглушают мотор, поднимают, проверяют себя и машину, заводят опять, садятся и в спокойном темпе, чего требует покрытие дороги, уезжают, собаки следят за ними издалека, раскачиваюсь на своем стуле, рассматривая разные тексты на экране, бывает точно так же раскачиваюсь на террасе, выпивая свой кофе, или напротив гремящего кондиционера, задумавшись, ремонтируя что-то, да, собаки часто бывают совсем порядочные, в них есть какая-то сила воли, честь, характер, даже в таких дворнягах, правда, и среди них бывают кровожадные, убираю свои шмотки со стола, потягиваюсь, выключаю компьютер, обуваюсь, надеваю пальто, тушу свет и ухожу, проходит, кажется, пару секунд, и прихожу опять, и ухожу и прихожу, кончается зима, дни становятся длиннее, при ясной погоде обхожусь уже и без света, божьих коровок уже нет, странная эта тишина, ни крика, ни хруста суставов, тяжелое безмолвие заселяется в мое тесное, удушливое помещение, будто я в наглухо закрытой коробке сижу, недоброжелательный, подозрительный покой, как в тех случаях, когда что-то готовится против меня, все уже в курсе, только не я, и с округленными глазами, с ужасом смотрят на меня, но молчат, никто не подскажет, тяжело тут в одиночестве, легче только от того, что не надо с утра до вечера быть свидетелем страданий несчастных жуков, исчезли, только лишь тот один скрывается все еще под ножкой экрана, и пара трупов лежит на полу, ничего безукоризненного в мире не бывает, почему именно уборке быть совершенной? – занимаюсь расчетом, какое соотношение между прошедшим периодом и длиной всей жизни божьих коровок, в среднем три-четыре месяца живут, те, которые перезимуют, бывает семь, значит, как минимум пол жизни жука прошло, у человека это лет тридцать пять, не слабо! – где-то читал, что перезимовавшие, весной откладывают яйца и погибают, их честь и долг продлить свой род, но через ворота будущего им не пройти, два лета не дано ни одной, замечая, что мой взгляд время от времени попадает на ручку окна, всю зиму дышу этим затхлым

воздухом, пару кубометров всего лишь, проветривать могу только в коридор, при открытом окне холодно, как на улице, а с закрытым, в этой каменной коробке моментально становится душно, теперь прельщает возможность открыть его, погода прелесть, можно даже оставить открытым на время, пусть войдет аромат начинающейся весны, больше не размышляю, хоть и городская, но все же весна, широко раскрываю створки, сразу приходится попятиться, рама занимает чуть ли не четверть помещения, зияет огромная дыра, настолько непропорциональны размеры окна по отношению к комнате, вливается прохладный воздух вместе с солнечным светом, пахнет он здорово, слышен уличный шум, глубоко вдыхаю, наслаждаюсь, ой, наконец-то! – легкие наполняются долгожданной свежестью, даже голова кружится, как в юности, стою в кузове грузовика, держусь за кабину и за перила, едем по ухабистой сельской дороге, этой махине ухабы не страшны, летим со скоростью восемьдесят, ветер воет, смотрю смело вперед, куда несемся, где моя любимая живет, шлем держу в руке, бьется о перила, стучит, попутку ловить лучше со шлемом, и мотоциклисты могут взять, да и шофера более охотно останавливаются, думают, мотоцикл сломался, как вот эти тут, в чем дело, старик? – спрашивают, а где же твой мотоцикл? – в магазине! – возьмете? – нормально! – не слабый трюк! – залезай назад! – куда едешь-то? – в соседнее село! – постучи по крыше, когда остановиться! – кругом широкие, серые поля, наверху лиловое небо, мои волосы, одежда, моя молодость и любовь развеваются по ветру, свежесть просыпающейся природы омывает мою душу и тело, хочу петь и пою, без понятия, слышно ли в кабине, но как будто еще более лихо, смелее мчимся, будто громадное, металлическое тело грузовика, предназначенное для перевозки тяжелейших камней, балок, как гордый иноходец, несется под мои песни, будто от моей внутренней теплоты, от огня моей пылающей души у этих двоих там в кабине, забыв об окладе, о следующей перевозке, тоже потеплело на сердце, и через огромный промежуток времени это пламя доходит до наших дней, лижет сегодняшнего остывшего меня, загораюсь, шипит, трещит и этот звук перемешивается с уличными звуками, с шуршанием колес, со стуком каблучков, разговорами, с хлопаньем крыльев голубей среди голых ветвей деревьев, и с женским голосом, она, неловко обращаясь с телефоном, пишет и читает эсмэску, "...сегодня почти звякнула тебе, а потом передумала, не хочу дразнить мужа, вдруг узнает, дочка родила второго, разослала пару десятков эсмэс, очень хотелось поделиться радостью, рождение ребенка чудо же, не правда ли, только тебе не сообщила, знаешь, хорошо мне теперь на верном пути, а вот, будто телепатия сработала, пришло твое письмо..." и ответ мужским голосом,

"...это не телепатия, милая, а та самая, желаемая тобой, прямая, верная дорога, удивляюсь, что твой муж этого не замечает, и тебе тоже кажется все кривей, за твой грех, что под его влиянием, или по собственной инициативе отказываешься от личной свободы, не отстаиваешь свои права даже перед Богом, и только в глубине души даешь им тесниться в виде легкого беспокойства, а в конце и это задавишь, вот, за этот свой грех ты еще дорого заплатишь, не менее дорого, чем платила за тот другой, извини, если я некстати, и именно в этот праздничный день кричу из глубины твоего сознания, а между прочим поздравляю, будьте счастливы! – найдите наконец-то тот верный путь, мой, по которому я иду..." пытаюсь освободиться от галлюцинаций, или что это такое? – поднимаю бумагу, читаю, не понимаю, нет, так нельзя, слишком горячее это пламя, слишком рано еще, или уже слишком поздно, нельзя впускать его во внутрь, невыносимо, от одновременно поступающего тепла и холода охватывает дрожь, проникает под одежду, до самого сердца и задает вопрос, ну, как ты теперь? – хорошо тебе так? – и сердце отвечает большим ударом, а потом приостанавливается, нельзя так дальше, подхожу к окну, резким движением закрываю, тихо опять, только в грудной клетке давит еще немного, со временем пройдет, сажусь к столу, молча разглядываю бумаги, занавеску, экран, свою ногу, постаревшую руку, славные, утомленные воины в конце падают, новые орлы рождаются, эти стены, как каменное, не по размеру пальто, застегиваю на себе, утепляет и остужает одновременно, как на голое тело надетая затвердевшая суконная шинель, многие из нас носят такую уродливую одежду! – позвоню одной из них, не берет, не перезвонит, хотя с удовольствием поделилась бы с кемнибудь, но не со мной, считает, я совесть утешаю, на самом деле радуюсь ее жалобам, злорадный свидетель ее бед, успокаиваюсь, если другим еще тяжелее, легче переношу свои проблемы, потом рассказывать буду налево, направо, какая она несчастная, пусть видят все, как я ей сочувствую, нет, никогда, лучше живой похоронит себя в склепе, типа моей дыры, хромает свежепоставленным протезом тазобедренного сустава, сворачивается клубком над больной маткой, потупит свои огненные глаза, скрывая, что из-за рака удалили грудь, муж переселился в другую комнату, иногда и бьет ее, вдовой стала, морщинистая, слишком толстая, потеряла работу, раскрылись ее тайные свидания, бесплодная, пытается найти в себе силы, но уже не находит, да и ни к чему, значит вычеркивает себя из списка живых, ласкаю, отворачивается, не надо! – не люблю! – с каких-то пор она не любит? – также обожает, как в молодости, маленькой девочкой, прижать свое румяное лицо к груди мужчины, только боится выдать себя, чем придется расплачиваться если примет, ведь тут уже всему своя цена, ярлык висит

на объятии, на поцелуе, на приглашении на ужин, и даже на теплом взгляде приятеля, на звонке, на беглой ласке, осторожна, нельзя оставаться в долгу, угрожает шантажом, однако понятия не имеет, чего конкретно боится, обоснован ли ее страх, да и мой, подавляя в себе желание дотронуться до нее, ой как жажду коснуться ее кожи! – с трудом перебарываю себя! – вот и во мне возникает подозрение, уж не продается ли она, какая у самой цена, ее обаяние, звонкий голос, ее простое существование сколько стоят, знает о себе, каким образом устроена, потому предполагает с моей стороны фальшивость, заднюю мысль? – потому придерживается собственных уродливых, и других унижающих законов? – а мои правила жизни? – более человечные чем ее? – дверь и окно закрыты, тишина, глубокая тишина, не та же смертельная, давящая, что была до открытия окна, другое, странное молчание, отдает прошлым и будущим, нечто такое, как легенда о всемирном потопе или даже еще не зачатом внуке моем, прислушиваюсь и задумываюсь, что это за тишина? – какая-то знакомая она! – любопытно, что ее нарушит? – пронзительный страшный крик? – счастливое, сладострастное дыхание? – все наши жалобы, какими бы горькими, отчаянными они ни были, поглощаются небытием, вот, громкие вопли божьих коровок недавно еще тут звучали между стенами, а теперь ни звука, исчезли не попрощавшись, какой-то серой однородностью покрывается все, забвением! – минуты, дни, столетия оседают на действительность, как цементная пыль на припаркованные возле стройки машины, все ничтожно по сравнению с бесконечностью времени, не имеет для меня никакого значения и то, старый мой приятель, проживающий возле Ниагары, переходит только из кухни в прихожую, или совершает небольшую прогулку до самого водопада, из бесконечной дали не разглядеть ничего, безразлично, происходит что-то, или нет, живой или мертвый, а если живой, как например я, как жуки были недавно еще, неделями живет, или десятилетиями, без карты путешествуем во вселенной, продвигаясь под темными, тяжелыми тучами, не по чему ориентироваться, ни по Солнцу, ни по звездам, проделывая огромные круги, иногда удивляемся знакомому пейзажу, как эта странная тишина знакома теперь, и продолжаем свой путь вперед, который со стороны выглядит плачевно смешным, ну, конечно! – киваю головой, если докажут по моим хромосомам склонность к раку простаты или к сахарному диабету, к чему мне это? – и не явлюсь на осмотр, пусть несет меня глубокое и непрерывное течение судьбы, нет креста на главной дороге возле сотого километра, ни на той второстепенной дороге, где за доли секунд успел избежать столкновения с оставленным, неосвещенным грузовиком-водовозом, сию тут с окоченевшими

конечностями, встану, выйду в коридор, пройду до конца и обратно, какое у меня право сомневаться в значении деталей? – почему думаю, что крик божьих коровок о помощи был лишним? – потому, что с их гибелью затих? – делаю еще один круг по коридору, а разве тогда их жизнь тоже была лишней? – а моя? – к чему тогда мое спасенье? – открываю дверь, возвращаюсь в свою дыру, протискиваюсь возле шкафа и опускаюсь на стул, все точно так же ждет меня, как оставил, отчего же изменилось бы хоть что-то? – взглядом скольжу по поверхности стола, по полке, занавеске, бумагам, экрану, клавиатуре, сколько мук! – заорать, что ли? – ну, давай, вперед! – осталось еще достаточно работы! – пошевелю мышкой, загорается экран, даже тот жук под ножкой, который... а где жук? – нет жука! – куда он делся? – нагибаюсь, чтобы глубже заглянуть в щель, нет его, точно нет! – взглядом лихорадочно обстреливаю помещение, нет! – нигде нет! – счастливее потери не бывает! – боже мой! – и капля скупой мужской слезы катится по морщинистому лицу.

